

Художники и критика.

Нашимъ художникамъ недостаетъ самобытности, воли и своеобразнаго умѣнья.

Никто изъ насъ не имѣть своего собственнаго взгляда на вещи, никто не пытается по-своему изобразить предметы, всюду сонливое преклоненіе обыденности, тому непрочувствованному искусству, которое имѣть милую вѣшность, но въ которомъ нѣтъ ничего внутренне-необходимаго, ничего такого, что-бы слѣдовало непобѣдимымъ законамъ духовнаго развитія.

Помочь могутъ только сильныя произведенія глубокихъ и рѣшительныхъ натуръ; они возбуждаютъ сочувствіе или враждебность, во всякомъ случаѣ они несомнѣнно реагируютъ на вкусъ публики.

Въ этомъ-то и нуждается наше искусство. У публики есть скрытое художественное чутѣ, но его нужно пробудить и проявить. У художниковъ много силы, но они не дерзаютъ ея выказать, и она остается подъ спудомъ. Все продолжаетъ идти нерѣшительно, по рутинѣ. Необходимо, чтобы произошло какое-нибудь рѣзкое, необыкновенное событие, мимо котораго нелѣзя-бы было пройти, не выяснивъ своего отношенія къ нему.

К. Брюлловъ.
(1799—1852 г.).
Портретъ.

Для этого не надо даже великихъ художниковъ и великаго искусства. Оно должно быть только новымъ, особеннымъ, не тѣмъ, къ которому привыкли. Оно должно рѣзко ударять по всему обыденному, дразнить и привлекать. Всѣ находятся въ спячкѣ и придерживаются старыхъ привычекъ: всѣмъ нравится то, что они сотню разъ видѣли, а то, что выходитъ изъ обычныхъ рамокъ, они порицаютъ. Все хотѣ сколько-нибудь своеобразное оскорбляетъ публику. Итакъ, надо, чтобы прошумѣло такое произведеніе, которое имѣло-бы своеобразную красоту и необычную вѣшность, которое-бы вызвало каждого на возраженіе, на самонаблуденіе, и, такимъ образомъ, выяснило-бы каждому его собственный вкусъ.

Не знаю, ясно-ли я выражаюсь. Я хочу сказать, что бѣдственное положеніе на-
шего искусства происходитъ оттого, что не достаетъ индивидуальнаго начала во вкусѣ
публики и въ произведеніяхъ художниковъ. Оно могло-бы пробудиться при помощи

К. Брюлловъ.
(1799—1852 г.).
Портретъ.

какого-нибудь рѣзкаго художественнаго явленія, напр., при помощи радикальной вы-
ставки французскихъ импрессионистовъ что-ли, гдѣ явно извращены всѣ обычныя по-
нятія. Я вовсе не намѣренъ заниматься пропагандой импрессионизма, но мнѣ хотѣлось
бы вывести людей изъ спячки, возмутить ихъ, потому что лучше ненависть, чѣмъ эта

гнусная неспособность ко всякому художественному восприятию. Вначалѣ только бы и раздавались возгласы: „позорно, ужасно, безумно!“ — въ то время какъ энтузиасты восклицали-бы съ радостью: „великолѣпно, божественно, удивительно!“ Каждый старался бы убѣдить другого и каждый долженъ былъ-бы формулировать свой вкусъ.

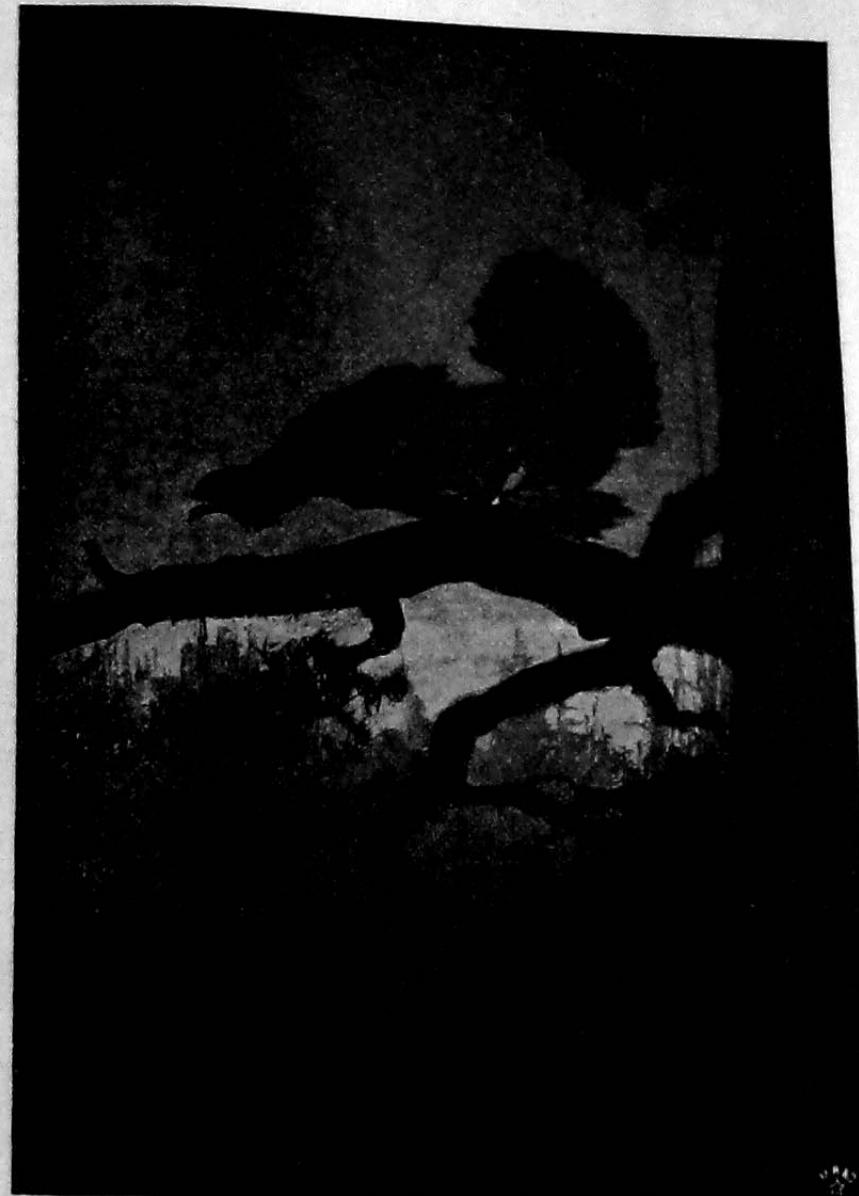
Выставки произведений съ ярко-индивидуальнымъ характеромъ кажутся мнѣ единственнымъ средствомъ, которое могло-бы хоть нѣсколько облагородить непрятательные вкусы нашихъ „цѣнителей“, а художникамъ придать больше смѣлости. Въ настоящее время нѣть недостатка въ подобныхъ произведеніяхъ. Никогда еще въ европейскомъ искусствѣ художники не заботились такъ о томъ, чтобы быть не такими, какъ другіе, быть самими собой.

Натурализмъ, *plein-air*, импрессионизмъ, много есть названий для однородныхъ вещей, одного и того-же понятія, для бурного стремленія высказаться особымъ языкомъ и сказать новое о новомъ. Это стремленіе во что-бы-то ни стало къ личному, къ субъективному великая черта нашего времени.

Вездѣ самостоятельность выступаетъ въ походѣ противъ традицій. Въ Лондонѣ есть „New gallery“, въ Парижѣ „Champ de Mars“ и въ Мюнхенѣ „Secession“, и даже берлинцы, которые въ искусствѣ должны быть всегда послѣдними, въ настоящее время имѣютъ также своихъ сецессіонистовъ. Еще сомнительно, будетъ-ли отъ этого полѣза въ развитіи искусства и много-ли отъ этого останется. Но нѣть сомнѣнія, что это освобождаетъ художника отъ поклоненія иностраннымъ образцамъ и дѣлаетъ его самостоятельнымъ. Нѣть сомнѣнія, что именно въ этомъ-то мы и нуждаемся.

Для меня составляетъ загадку, какъ это наше австрійское официальное Общество Художниковъ не хочетъ этого понять. Оно само должно вѣдь чувствовать, что дальше такъ продолжаться дѣло не можетъ. Оно должно сознавать, что когда никто ничего не покупаетъ, никто ничего не понимаетъ и никто ничего не любитъ, то черезъ 50 лѣтъ у насъ не будетъ вообще никакого искусства и никакихъ художниковъ. Оно должно чувствовать, что только рѣшительная и неумолимая индивидуальность можетъ помочь въ этомъ. Зачѣмъ же оно такъ презрительно и насмѣшливо относится ко всему тому, что не слѣдуетъ старымъ шаблонамъ?

Я не имѣю ввиду обвинять главныхъ представителей этого Общества. Я не сомнѣваюсь, что у нихъ очень хорошія намѣренія. Но дѣятельность ихъ производитъ на меня впечатлѣніе, какъ будто они намѣренно хотятъ задержать развитие публики и до тѣхъ поръ притѣснять каждый сильный талантъ, пока онъ не сбѣжитъ въ Мюнхенѣ.

П. Соколовъ.
(† Окт. 1899 г.).
Тетеревъ.

или Парижъ, или пока онъ не отречется отъ своихъ собственныхъ воззрѣній и погрузится въ рутину обыденного ремесла.

Австрійскому искусству, какъ и всякому другому, необходимы индивидуалъныя произведенія для того, чтобы пробудить интересъ профановъ и развить ихъ вкусъ. Художники должны-бы всѣми силами поощрять индивидуальность, даже немного увеличенную (впослѣдствіи все бы это сравнялось), и если не хватаетъ собственныхъ силъ, приглашать чужія. Но наше Художественное Общество преслѣдуетъ всякую индивидуальность и боязливо замыкается отъ иностранного искусства.

Нѣсколько человѣкъ, которые могли-бы у насъ сказать что-либо свое, которые стремятся быть современными,—а такихъ немного и они довольно боязливы и осторожны,—находятся у Общества въ подозрѣніи. Ихъ не принимаютъ на выставки или помѣщаютъ плохо, между устарѣвшими, темными „машинами“, гдѣ, конечно, они кажутся грубыми и рѣзкими. Ихъ лишаютъ права участія въ выборахъ. Не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы отравить имъ существованіе.

Съ иностранными художниками поступаютъ не лучше. Сколько колебаній было передъ тѣмъ, чтобы показать намъ Уде и Штука. Еще долго не познакомятъ насъ съ Тбома и съ Клингеромъ. Сколько времени будутъ еще медлить, прежде чѣмъ привезти намъ Рафаэлли, Клода Монэ, бенара, Пювиса де Шаванна, Казэна, Лагарда, Форрена, болдини, Уистлера и Цорна.

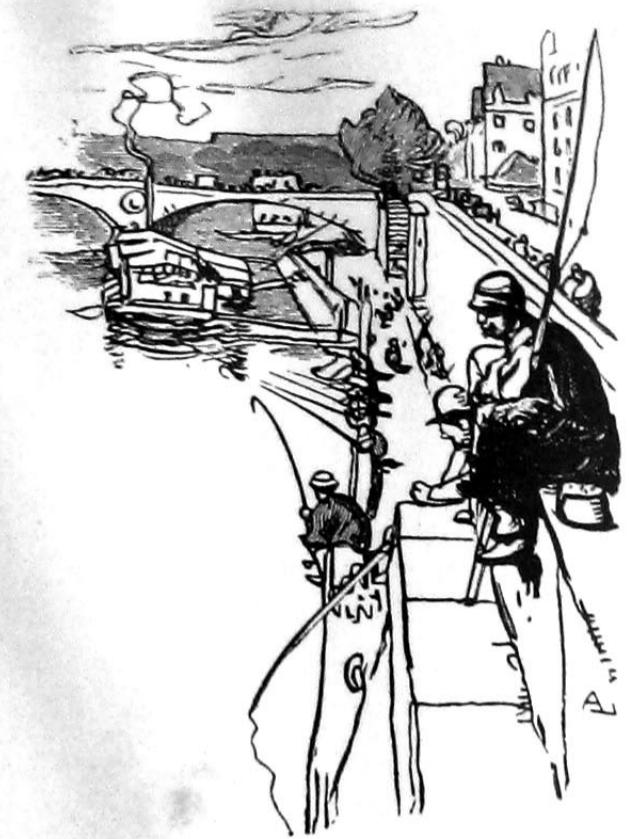
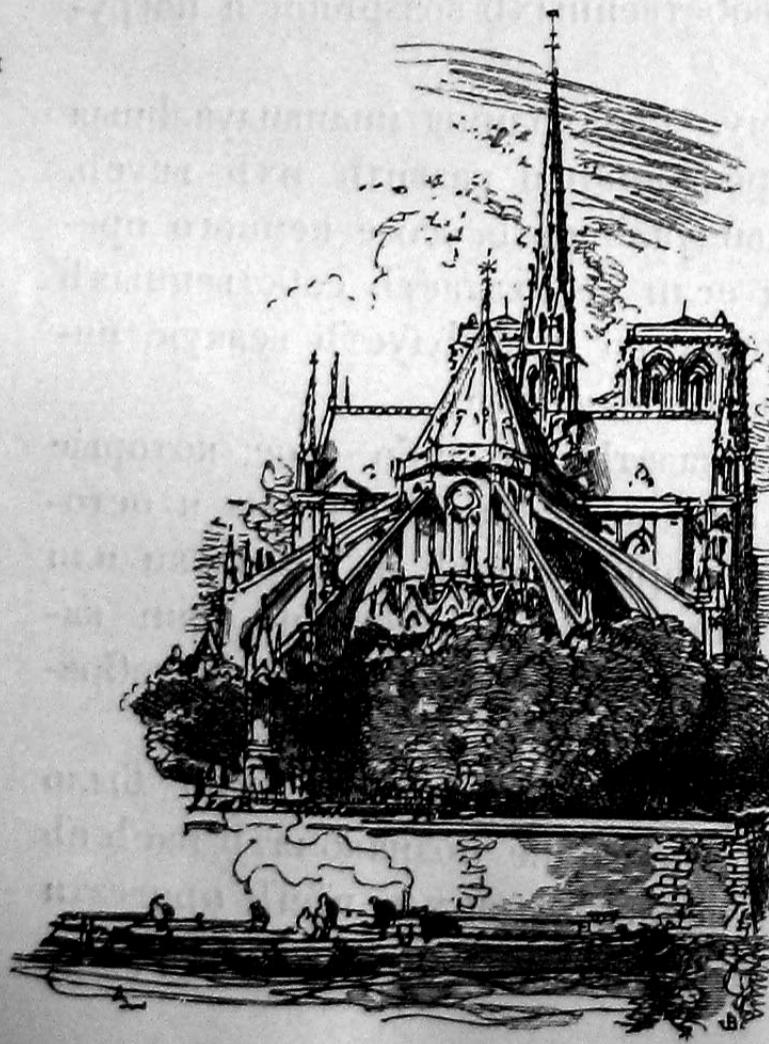
Я намѣренно называю только самыя первостепенные имена европейскихъ художниковъ, которые вѣдѣ извѣстны, но неизвѣстны у насъ въ Вѣнѣ.

Я знаю, какъ защищается Художественное Общество. Оно говоритъ: „конечно, это все выдающіеся художники и, конечно, жаль, что ихъ могучаго и своеобразнаго искусства нельзѧ здѣсь показать, но наша вѣнскай публика настолько лишена всякаго художественнаго образованія, что появленіе выше названныхъ иностранныхъ художниковъ произвело бы только грандиозный скандалъ“. Но вѣдѣ это заколдованный кругъ: индивидуалънаго не смѣютъ проявлять, потому что толпа къ этому не подготовлена, а толпа не можетъ развиться, такъ какъ нѣтъ силыной индивидуальности.

Мнѣ кажется, положеніе дѣла настолько плачевно, любовь и пониманіе искусства настолько незначителы, что надо идти на рискъ. Можетъ быть, намъ и необходимъ скандалъ, рѣзкое и сильное несогласіе во мнѣніяхъ, которое возбуждается обыкновенно сильными индивидуальными натурами. Можетъ быть, это возбужденіе ненависти къ непривычному и новому только и можетъ насъ исцѣлитъ.

Наше Художественное Общество, которое призвано поощрять художниковъ,— ихъ худшій врагъ, потому что оно оставляетъ толпу необразованной, внѣ всякаго интереса къ искусству и безъ всякаго обновленія вкуса, а художникамъ запрещаетъ всякое проявленіе индивидуальности.

А. Лепэръ.
Иллюстрація
(гравюра).

А. Лепэръ.
Иллюстрація
(гравюра).

II.

Правительство у насъ пренебрегаетъ образованіемъ публики. Академіи недостаетъ учителей, которые бы направили пытливый инстинктъ художника на вѣрный путь. Художники же сами ничего не дѣлаютъ, а только резонируютъ за кружкой пива, жалуясь на плохія времена.

Но это еще не самое худшее. Можно еще было бы надѣяться и утѣшаться лучшимъ будущимъ, еслибы по крайней мѣрѣ принимали во вниманіе порицанія, предостереженія и соѣтвы. Не пришлось бы отчаяваться, еслибы по крайней мѣрѣ была критика.

Но у насъ въ Вѣнѣ нѣтъ художественной критики. Едва-ли иностранецъ повѣритъ этому, но все это можно доказать массою примѣровъ. Обойдите только художниковъ и спросите ихъ, кто изъ нихъ получилъ помошь и совѣтъ отъ

критики, вы наслушаитесь тутъ много болѣе сильныхъ и рѣзкихъ выражений, чѣмъ бы я себѣ позволилъ, такъ какъ я вообще избѣгаю всякихъ личностей и только пытаюсь улучшить положеніе дѣла, насколько это возможно.

Я не затрагиваю болѣного вопроса о подкупности критики. Конечно, не хорошо, если критикъ продаетъ свое мнѣніе за сигары или за наличныя деньги, но это ничего не доказываетъ противъ серѣзной и честной критики, рядомъ съ которой вездѣ существуютъ взяточники.

Я хочу сказать нѣсколько словъ только о честной критикѣ, которая честно мыслитъ, относится къ дѣлу серѣзно, но, несмотря на это, все-таки не достигаетъ своей цѣли. Мнѣ хочется вы-

яснить, что мѣшаetъ нашей критикѣ, вредитъ ея успѣху, и какъ помочь дѣлу.

Что же долженъ требовать художникъ отъ критика?

Предположимъ, что у меня есть пріятель, который занимается живописью. Его новая картина окончена, и онъ приглашаетъ меня посмотретьть ее. Я долженъ высказать свое мнѣніе. Прихожу и смотрю.

Онъ нарисовалъ кельнера изъ нашего кафе. Не могу

не сознаться, что мнѣ больше нравятся жеманныя маркизы Ватто, розовое тѣло излюбленныхъ пастушекъ буше и стыдливая, нѣжная буржуазность Грѣза. Я очень люблю рококо. Что для меня эта будничная жизнь въ искусствѣ? Я требую отъ него того, чего именно въ ней нѣтъ. Я хочу чего-то нѣжнаго и тонкаго, что ласкало бы нервы. Ничего подобнаго не можетъ мнѣ дать кельнеръ моего друга. Положительно, эта картина не по моему вкусу. Я не могу ея хвалить. Мнѣ остается только сожалѣть, что я ничего не получаю отъ его таланта, который, будучи лучше направленъ, могъ бы доставить мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Я не хочу кельнера. Мнѣ надо маркизы. Ухожу я недоволѣнъ, а мой другъ твердо рѣшаетъ никогда мнѣ болѣе не показывать своихъ картинъ.

Ясно: если онъ приглашаетъ меня и спрашиваетъ мое мнѣніе, то онъ ждетъ отъ меня не разсужденій о стилѣ рококо и о требованіяхъ

А. Лепэръ.
Иллюстрація
(гравюра).

Лепэръ.
илюстрація
(гравюра).

А. Лепэръ.
Иллюстрація
(гравюра).

моего личного вкуса, а лишь откровенного мнѣнія о томъ, насколько удачно онъ осуществилъ свой замыселъ. Онъ вовсе и не спрашиваетъ, можно-ли рисовать кельнеровъ, или нѣтъ. Для него это вопросъ решенный, и до моего личного вкуса ему нѣтъ дѣла. Онъ спрашиваетъ только, сумѣлъ-ли онъ выразить въ своей картинѣ то, что хотѣлъ. Онъ осмѣиваетъ меня съ моими маркизами. Если я не могу примириться съ его кельнеромъ, то мнѣ лучше молчать. Желать иное, чѣмъ то, чего желаетъ художникъ, не есть критической приемъ.

Но именно таковъ приемъ нашей критики. Каждый изъ критиковъ имѣетъ свою „маркизу“, кельнера же никто не признаетъ.

Это похоже на то, какъ если-бы тому, кто спрашиваетъ у меня дорогу на вокзалъ съверной дороги, я отвѣтилъ: „поѣзжайте на югъ, тамъ гораздо красивѣе мѣстности!“

Художникъ долженъ требовать отъ критика, чтобы тотъ забылъ о своихъ маркизахъ, занялся бы его кельнеромъ. Иначе выйдетъ просто пустая болтовня, которая въ концѣ концовъ ни къ чему не приведетъ. Чего хочетъ художникъ, это его личное дѣло,

но въ состояніи-ли онъ исполнить задуманное и какими средствами этого достичь,— вотъ чему должна научить критика.

Критикъ долженъ быть учителемъ, такимъ, какъ я его изобразилъ: онъ долженъ проникнуть въ натуру ученика, думать его мыслями и ясно сознавать его силы. Тогда только, когда онъ понимаетъ отдельно каждого, пусть позаботится объ общемъ, заключая по разнымъ признакамъ о достоинствахъ и недостаткахъ каждого. Критики, конечно, должны отказаться отъ многаго, чѣмъ они теперь преисполнены, и пріобрѣсти то, чего имъ недостаетъ. Они должны быть немного психологами, которые, познавая себя, умѣютъ проникать въ чужую душу, а также быть болѣе знакомыми съ техникою, для того, чтобы быть въ состояніи учить каждого сообразно съ его приемами; они должны прислушиваться къ другимъ искусствамъ и наукамъ, чтобы уловить каждое новое проявленіе человѣческаго духа. И они должны быть немножко менѣе историками,

Ф. Малютинъ.
Рисунокъ

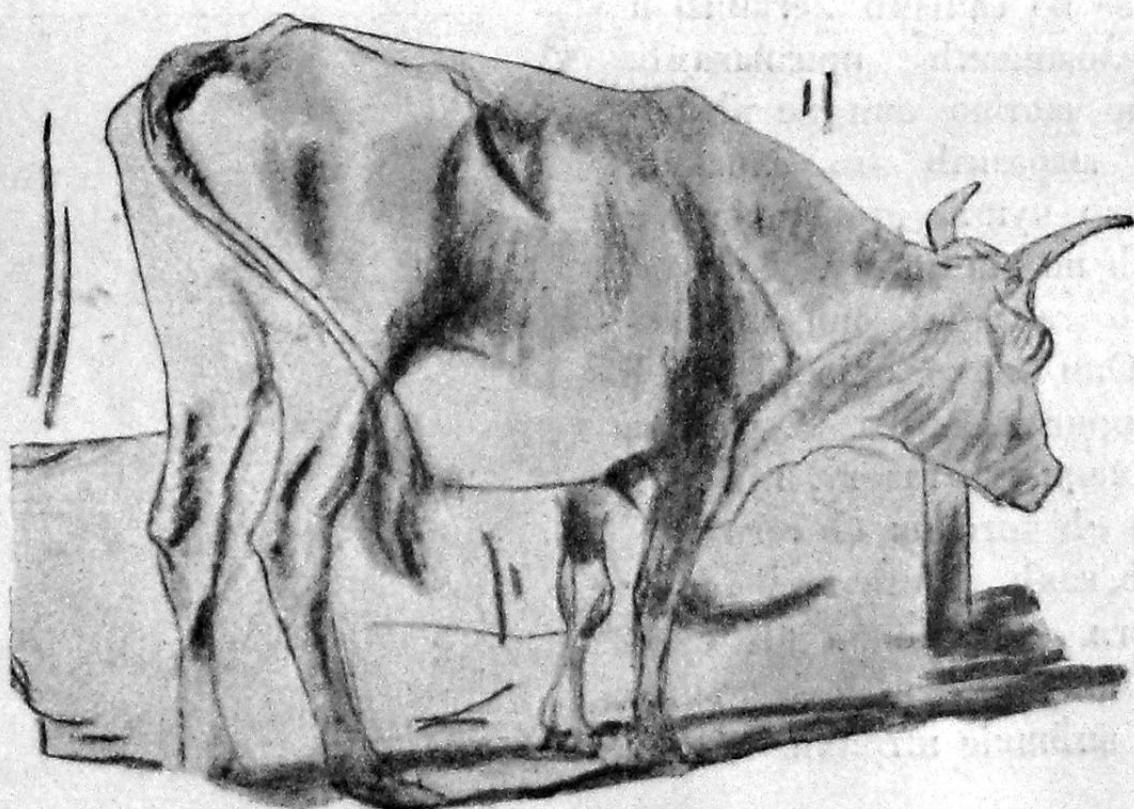

Если они никуда не годятся, то ихъ дѣлаютъ театральными рецензентами, а если они и къ этому слишкомъ неспособны, то имъ поручаютъ съ божеи помощью писать о живописи и тому подобныхъ вещахъ". Такъ далеко мы еще не зашли. Наши критики серьезно и порядочно образованы, только, къ сожалѣнію, это образованіе фальшивое и одностороннее. Они образованы исторически, антикварно и эстетически, но съ действительной критикой они не знакомы, потому и влияніе ихъ такъ ничтожно.

Считаютъ за хорошую находку пригласить въ критики человѣка, который много читалъ и обладаетъ глубокими познаніями въ исторіи живописи. Онъ знаетъ всѣ имена съ датами рождения и смерти, перечень художественныхъ произведений и длинную судьбу каждого изъ нихъ, какъ оно было нарисовано для такого-то принца, во время войны потеряно, наконецъ опять найдено у старьевщика, какъ учный X. призналъ его и черезъ гра-

погруженными въ прошлое, иѣсколько менѣе знатоками антикварныхъ методовъ и не носится съ готовой и неизмѣнной эстетикой.

Наша критика знаетъ массу вещей. Въ этомъ отношеніи у насъ все еще лучше, чѣмъ за-границей. Одинъ извѣстный берлинскій изда-тель сказалъ мнѣ однажды: „всегда вѣдь находится родственникъ или сирота, о которомъ надо заботиться.

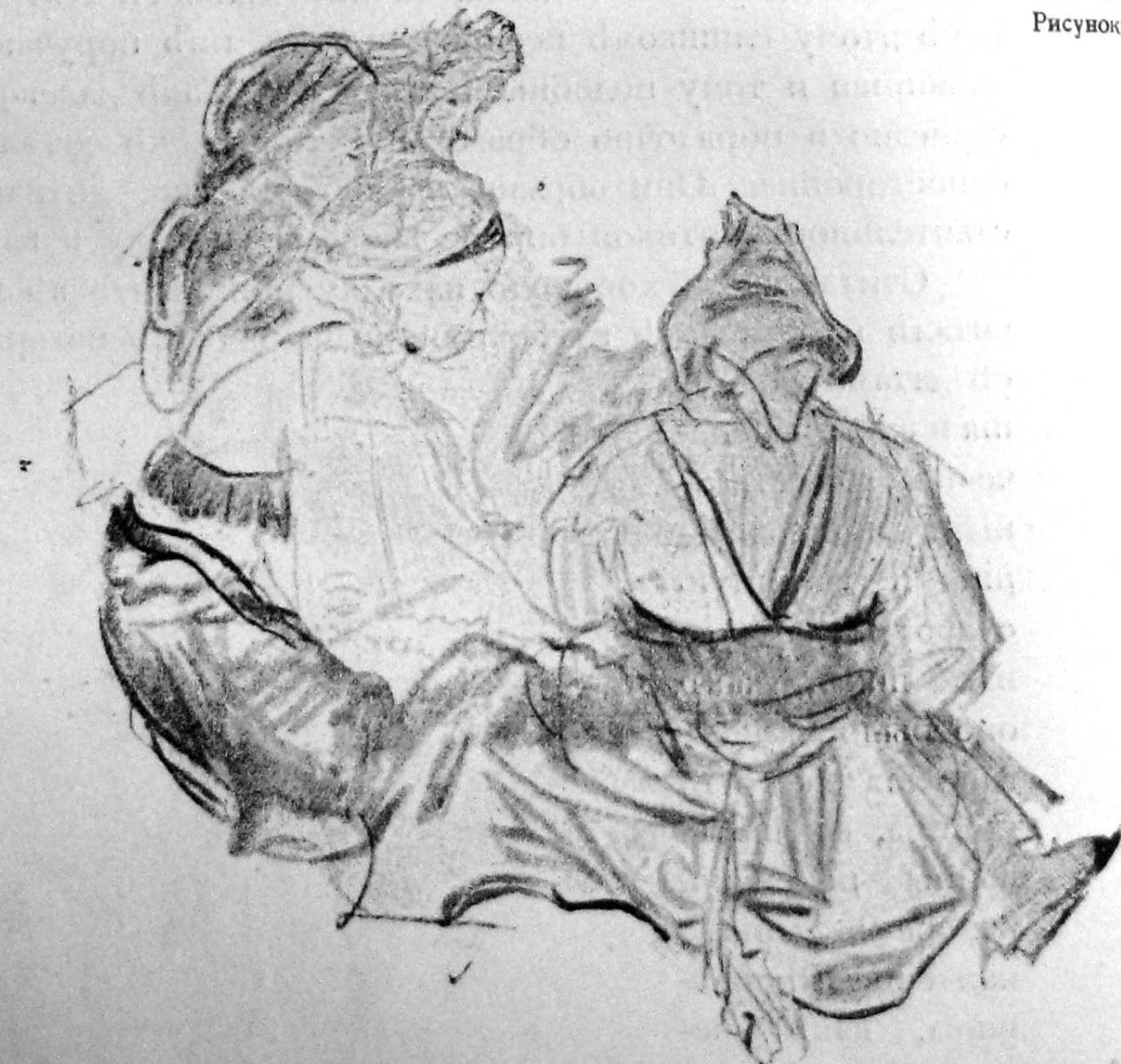

фа У. помѣстилъ въ галлереѣ Z. Такой критикъ представляетъ собой ходячій лексиконъ всѣхъ датъ, какія только нужны, и всегда имѣетъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какая Мадонна Голѣбейна, Дрезденская или Ульмская — оригиналъ, и какая — повтореніе. Что было вчера и третьаго дня — онъ знаетъ прекрасно, но онъ никогда не утруждаетъ себя по сегодняшнему дню угадать завтрашній. Его дѣло собирать и систематизировать установленные факты, но угадывать и вызывать еще неопредѣлившіяся стремленія — онъ не въ состояніи. Онъ былъ гдѣ-нибудь доцентомъ и, благодаря своему положенію, приглашается сотрудничать въ газетѣ. И вотъ неожиданно долженъ онъ руководить беспокойными стремленіями молодежи новой школы, о которой онъ едва слышалъ, но тому, кто написалъ книгу объ Албрехтѣ Дюрерѣ, по общему мнѣнію, ничего не стоитъ разобраться въ новѣйшихъ теченіяхъ. При этомъ только забываютъ, что одно — это описывать жизнь Гёте и развитіе его творчества, а другое — при его жизни

помогать ему перейти отъ Геца къ Тассо!

Другіе критики бываютъ знатоками въ другомъ родѣ. У нихъ есть особенный талантъ изучить манеру каждого художника и отличать ее по самымъ легкимъ и едва уловимымъ признакамъ. Большею частью они не въ состояніи выразить это словами, они точно чуютъ это нюхомъ и слышатъ по инстинкту. Для картинныхъ галлерей они необходимы. Они легко приобрѣтаютъ имя и приглашаются, благодаря этому имени, въ газету, гдѣ имъ надо ни съ того ни съ сего дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ тонкіе психологи, хотя они, въ сущности, могутъ отмѣтить только грубые, виѣшніе штрихи.

Еще чаще это просто дилетанты или художники-неудачники. Они Рафаэли, но, къ сожалѣнію, безъ рукъ. Они все хотѣли бы сдѣлать, но только ничего не могутъ. Они чувствуютъ искусство какъ художники, но они лишены дара работать; имъ не удается, или они никогда не отваживаются, приняться за дѣло. Такимъ образомъ, они рисуютъ въ своихъ мечтахъ, лелѣютъ и создаютъ готовый идеалъ, который они страстно любятъ, но, конечно, не могутъ доказать. Ясно, что они не могутъ быть лучшими критиками. Такъ какъ они сами ничего не могутъ создать, то менѣе всего благосклонны къ удачнику, который можетъ создать то, чего они не желаютъ. Если же художникъ воплощаетъ то, чего они не любятъ, то гибну ихъ не имѣется предѣловъ. У нихъ у всѣхъ есть односторонность художника, но только съ болѣе сильнымъ оттѣнкомъ раздраженія и нетерпимости. Они не могутъ оцѣнить произведеніе художника сообразно съ его замысломъ, они не проникаютъ въ его душу, они прислушиваются всегда къ своему беспокойному голосу зависти и не признаютъ кромѣ этого никакихъ законовъ.

Отъ такихъ критиковъ художникъ получаетъ только непріятности, и они не могутъ ни научить художника, ни поощрить. Для этого такие критики должны обладать тѣмъ, чго у нихъ нѣтъ: думать мыслями художника, жить его чувствами, преисполнъ

нятъся его замыслами, и только тогда давать ему толковые совѣты. Конечно, на этомъ критику не слѣдуетъ останавливаться, и вполнѣ понявъ стремленія художника и изучивъ его силы, онъ долженъ опредѣлить его мѣсто рядомъ съ другими, сопоставить съ потребностями данного общества, и отмѣтить, насколько данный художникъ, въ сравненіи со своими товарищами, затрагиваетъ неясные, бродящіе запросы своего поколѣнія. Въ такомъ случаѣ его критика изъ индивидуально-педагогической сдѣлается соціально-пророческой.

Я очень просто представляю себѣ пріемы такой критики. Гдѣ-нибудь устраивается выставка пяти, десяти, ста художниковъ. Критика разсматриваетъ картины и ищетъ, что каждая изъ нихъ хочетъ сказать. Собственныхъ желаній она не должна принимать во вниманіе. Она не спрашиваетъ, нравится-ли это ей, но соответствуетъ-ли данное произведеніе характеру художника и годится-ли для выраженія его натуры: она должна даже прицѣлиться то, что ей нравится, если это исходитъ не непосредственно изъ темперамента художника, а повѣяло со стороны. Она разсматриваетъ: чего хочетъ художникъ, что уже есть у него и чего ему недостаетъ, чтобы высказатьсь вполнѣ. Такимъ образомъ, она находитъ критерій въ соответствии замысла съ выполнениемъ. Тогда только начинается оценка самого замысла и его соответствія духу времени.

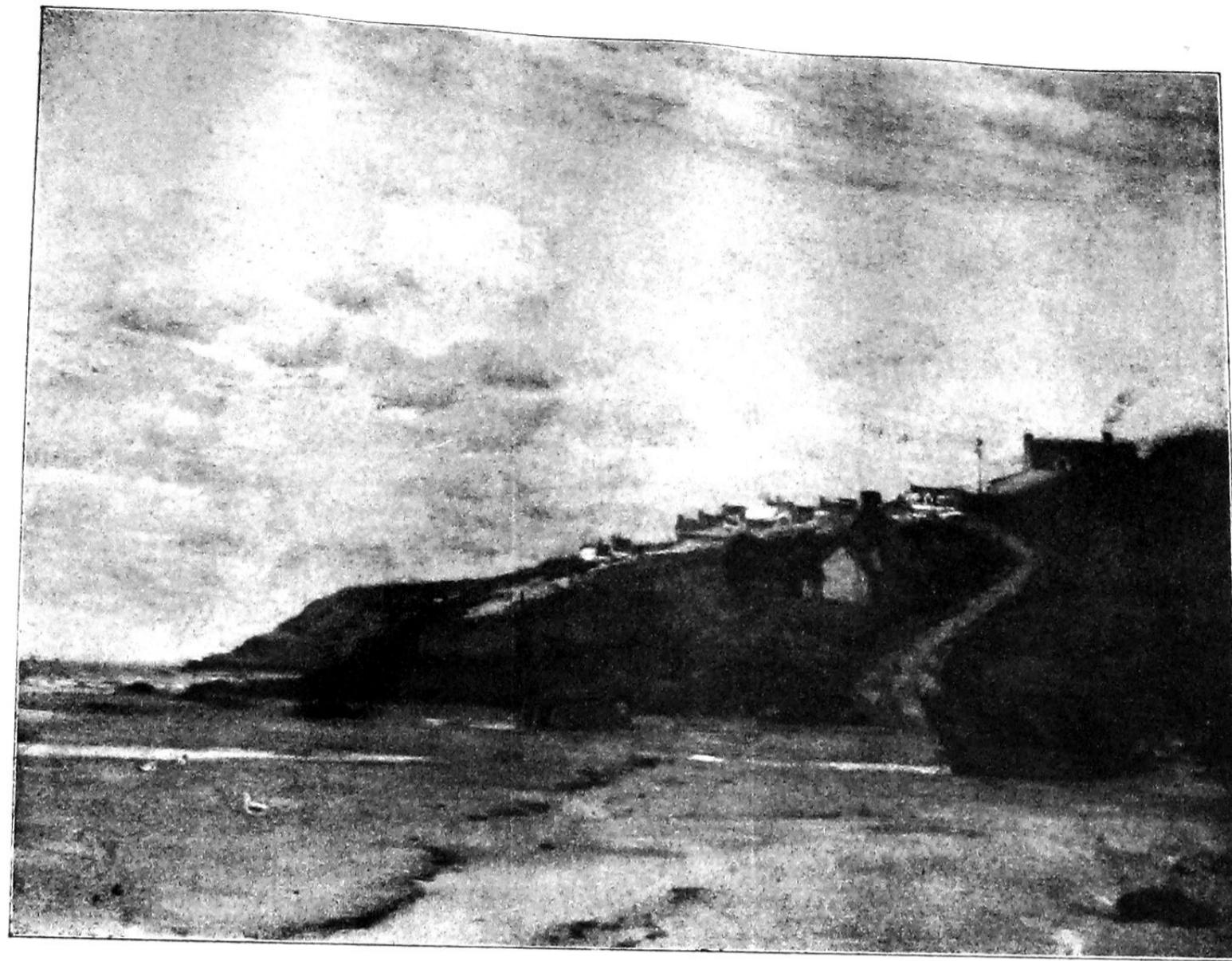
Въ другихъ искусствахъ и въ области науки ищутъ указаний на то, куда стремится духъ эпохи и какъ будетъ развиваться художественный вкусъ. Кто служитъ такимъ образомъ развитію, тотъ, хотя бы и обладалъ небольшими способностями, помогаетъ искусству больше, чѣмъ тотъ, кто съ большимъ мастерствомъ задерживаетъ его развитіе.

Подобного критика не легко найти. Ему необходима такая тонкость восприимчивости, какая бываетъ очень рѣдко.

Но надо измѣнить не только духъ, но и форму критики. Пресса

Ж. Казень.
Вечеръ.

должна не только разумно разсуждать объ искусствѣ, она должна прежде всего больше имѣ интересоваться. Для этого не нужно особой тонкости, достаточно и доброй воли. Въ газетахъ безпрестанно говорится о всякихъ глупостяхъ, которыя никого не интересуютъ, только искусству удѣляютъ нѣсколько скучныхъ, случайныхъ фразъ. Къ театру я отношусь съ энтузіазмомъ, но если сравнить, сколько мѣста пресса удѣляетъ театру и сколько искусству, то нельзя не признать, что здѣсь нѣтъ никакого соотвѣтствія. О художникахъ весь годъ ничего не говорятъ, а когда наступаетъ время выставки, два или три фельветона должны исчерпать все содержаніе ихъ долгой и уединенной работы. Эта привычка говоритъ о художникахъ главнымъ образомъ только во время выставки, и притомъ о всѣхъ сразу, недостойна.

Вотъ висятъ отъ 200 до 300 картинъ. Въ благопріятномъ случаѣ въ распоряженіи критика всего 8—10 столбцовъ, большая часть которыхъ, конечно, отдается известнымъ именамъ, менѣе всего въ этомъ нуждающимся, а также „гвоздямъ“ выставки, которыми восхищаются любопытные. Молодежь, которая пробивается, ищетъ совѣта и помощи, спокойная работа которой еще боязливо медлитъ, одѣляется нѣсколькими жалкими строками въ концѣ фельветона, гдѣ печатается перечень картинъ кое-какъ, безъ всякой системы, что только затрудняетъ и сердитъ читателя.

Германъ Барб.